

Владимир Картопольцев

Сейчас мне 74 года. В прошлом я спортсмен, мастер спорта по спортивной гимнастике. Работал тренером у девочек. Участвовал в соревнованиях за сборную Латвии в 1966 году. В 1974 году упал с перекладины и сломал ногу, пять месяцев пролежал в госпитале. Это было очень серьезное повреждение и трудное время для меня. После этого мне пришлось оставить гимнастику, я больше не справлялся с прыжками. Но бывших спортсменов, как известно, не бывает. И я начал заниматься дельтапланерным спортом. Летал на дельтаплане, мы с командой выезжали на юг, поднимались в небо. Это невообразимые, яркие, незабываемые ощущения. Однажды мой друг, еще совсем молодой мальчик, поднялся в небо, но что-то пошло не так, его дельтаплан перевернулся, и он упал на землю. Разбился. После этого я больше не смог заниматься дельтапланом. Не потому что было страшно, а просто захотелось жить.

А по образованию я инженер-конструктор металлорежущих станков и инструментов. Сначала закончил техникум, затем РПИ. Я был молодой, подающий надежды, перспективный специалист. Про меня в газете «Советская молодежь» вышла статья с фотографией, буквально с таким текстом: «Инженер-конструктор Рижского опытного завода художественной фурнитуры, комсомолец В. Картопольцев работает здесь всего лишь два года, но многие образцы продукции, созданные при его участии, уже не раз получали высокие оценки на Всесоюзных смотрах лучших изделий предприятий этой отрасли». Вот так!

Потом я организовал фирму по пошиву кожаных изделий. Чего только не шили — куртки, юбки, шорты. Но особая гордость — это обувь для малышей. Поэтому и фирму назвал «Топ-Топ». На Чака был магазин, работников было аж 50 человек! Магазин пользовался большой популярностью. Этому делу я посвятил десять лет своей жизни. Я был очень деятельный и энергичный, с ловкостью всем управлял. А еще язык был хорошо подвешен, я мог со всеми договориться, наладить контакт. А потом наступили тяжелые времена: все развалилось, рассорился с компаньоном, фирму пришлось закрыть. Стал заниматься ювелирным делом. Было очень много работы и заказов. Вещи, которые я делал, казались мне настоящими ювелирными шедеврами. Я очень, очень много работал, оставался по ночам доделывать. В общем, не жалел себя. Однажды почувствовал, что не могу говорить, какие-то трудности с речью. Это был первый инсульт в 52 года, в 1998 году. Но я как-то мало беспокоился о своем здоровье. Подлечился, сумел быстро восстановиться, с помощью логопеда речь пришла в норму. И я продолжил пахать. А потом, ровно через год, случился второй инсульт. Тогда я не обращал на это особого внимания. «А что случилось-то?» — «Ну, просто руку не могу поднять». Вместо того, чтобы пойти к врачу, я работал и думал, что как-то само пройдет, ерунда какая-то. Рука, действительно, сама по себе восстановилась. Сейчас я понимаю, какой я в то время был беспечным, самонадеянным — сам на себя наплевал.

У меня было три жены. С первой женой у нас есть общая дочь Илана, ей 40 лет. Она живет в Англии. Когда я развелся с первой женой, то познакомился с удивительной женщиной! Она работала в Доме моделей в Ленинграде, была искусствоведом. Мы поженились, она приехала в Ригу. А затем мы переехали жить на пять лет в деревню, я там работал электриком. Мы очень хотели детей, но никак не получалось. В конце концов

случилась большая радость — у нас появилась дочь Ксения. Она сейчас в Америке, в Лос-Анджелесе. Жена уехала в Ленинград, трудно ей было туда-сюда мотаться. Сначала приезжала, а потом все закончилось, мы развелись.

Женился в третий раз, родился сын Артем. Он закончил Институт физической культуры, можно сказать, по моим спортивным стопам пошел. Сейчас он в Африке, в казино работает. Вот так, дети мои разлетелись по всему миру. Жена, когда я заболел, сначала помогала и поддерживала, а потом моя болезнь дала о себе знать, кроме того, я все время ревновал! Вот она и вышла замуж за другого. Был еще один внебрачный союз, который длился восемь лет, но когда со мной случился третий инсульт, она просто не захотела заниматься больным человеком.

Для меня третий инсульт очень связан со смертью моей любимой мамы. Он случился вскоре после ее смерти. Смерть мамы — большое горе и потрясение. Я очень ее любил, а отца совсем не помню. Знаю только, что он из Новосибирска и что они с мамой познакомились во время войны. После третьего инсульта, в 2006 году, я оказался в больнице. Пробыл там недолго, отправили домой. С ювелиркой пришлось распрощаться, как и с женой. Можно сказать, я потерял все. Самым близким и родным человеком, который был рядом, помогал во всем и поддерживал, была сестра Майя, мы с ней близнецы. Вот как случилось: в жизни моей было много женщин, они меня любили, я их любил, но в трудный момент ближе человека, чем сестра, не оказалось. Я ей очень благодарен — она для меня и стимул, и двигатель, и поддержка.

Сейчас, вспоминая время первого инсульта, я понимаю, что звоночки были — зрение на правом глазу ухудшилось, потом вроде нормализовалось, давление повышенное было. Обидно, что не придавал всему этому значения, не думал о своем здоровье. После всех инсультов нога и рука не действовали, речи не было. Я не помню, какие первые мысли меня тогда посетили, но точно знаю, что самым страшным было осознание, что не могу говорить. Хотя внешне я выглядел очень спокойным, отчаяния не было, рук не опускал. Меня никогда не покидала вера и надежда. Я жил с мыслью: «И это пройдет». Я знал, что справлюсь, главное не падать духом. Жизнь заставляла все делать, да и сестра мотивировала. Иногда думаю, что собраться с силами помог тот случай с другом, который разбился на дельтаплане. Просто опять захотелось жить — это и был первый шаг к восстановлению.

И я многое делал — ездил в санаторий, занимался с логопедом, делал специальные упражнения для руки и ноги. Уже после года интенсивных занятий я добился грандиозных, удивительных результатов. Лучше двигается рука, свободно вращается в плечевом поясе, полностью сгибается и разгибается в локтевом суставе, можно ее завести за спину, есть координация. Вращение кисти еще затруднено, но легкие повороты из стороны в сторону есть. Уже каждый палец может соединиться с большим пальцем. Могу здороваться за руку. Нога, которая вначале с трудом вращалась, сейчас вращается свободно. С речью, конечно, сложнее. Но помню, как после интенсивных занятий с логопедом удалось рассказать детский стих: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу...» — это был первый большой успех. А еще я петь любил, в детстве в хоре пел первым голосом, потом, правда, сорвал. Сейчас это трудно, хотя могу: «Эх, дороги, пыль, да туман...»

Честно говоря, я не чувствую, что как-то изменился. Как был добрым, отзывчивым, энергичным и веселым, так таким и остался, ну, может быть, посерьезнее немного стал.

Одно огорчает — раньше был прекрасным оратором, а сейчас язык не так подвешен. Да и танцором был неплохим, а сейчас похуже. Хотя на новогоднем вечере неплохо танцевать получалось. Я раньше очень ревнивый был, а сейчас — нет. Но, возможно, это потому, что некого ревновать, а может, старею.

Казалось бы, многое потерял после инсульта, но труднее всего было смириться с потерей любимого дела. Так хотелось к ювелирке вернуться. Это то дело в моей жизни, которое приносило радость и удовлетворение. А сейчас удовольствие получаю от складывания пазлов, картины собираю — тоже своего рода творчество. Каждая картина из 1000 маленьких деталей, на сборку уходит до трех месяцев. Работа практически ювелирная. Это занятие дает силы каждый день, есть цель — собрать очередную картину. Меня радует, что я достаточно самостоятельный и справляюсь со своей жизнью: хожу в магазин, готовлю — картошку с мясом, блинчики. А вообще я всеядный. Болезнь научила и помощь других принимать. Ко мне два раза в неделю приходит социальный работник — помогает по хозяйству, это большое дело.

Большая помощь и поддержка для меня — это участие в программе «Вигора». Сюда меня привела сестра Майя. Теперь без «Вигора» не мыслю своей жизни. Здесь собираются люди, объединенные общей темой — инсультом. Правда, у каждого своя история. Мне нравятся занятия в «Вигоре», но особенно «Калейдоскоп» — это всегда интересно, познавательно, глубоко и важно. Много радости от живого общения с людьми. У нас общие темы и интересы, особенно со Стасом.

Конечно, бывают моменты, когда настроение падает, ничего не хочется. Тогда помогают книги. Я много читаю, когда-то начинал с анекдотов, газет, книг небольшого объема, детских стихов, а теперь уже Омара Хайяма могу осилить. А из фильмов очень фантастику люблю. Радует, что я уже продвинутый интернет-пользователь — пришлось освоить. Это большое приобретение для меня и новый навык. Дети и внуки, а у меня пять внуков — моя радость и гордость. Они далеко, я их редко вижу и очень скучаю. Тогда Skype приходит на помощь, он позволяет общаться, видеть, слышать их. Они помогают и поддерживают меня, я очень их люблю. У меня сохранились очень теплые отношения со второй женой, мы и с ней поддерживаем контакт. Это те отношения, на которые я после болезни смотрю по-другому, воспринимаю по-другому. До болезни все искал лучшую женщину, а, возможно, она была рядом. Ведь она замуж больше не вышла. Может, лучше меня не нашла?

Сейчас очень жду лета. Засиделся дома, а я гулять очень люблю. Летом я езжу на Гаюю, у меня там домик. Мы делим его с другом Сергеем. Там раздолье, сразу вкус к жизни просыпается. Мы там рыбачим, за ягодами и грибами в лес ходим, гуляем, природой наслаждаемся. Моя самая большая мечта и цель — написать книгу. Это будет автобиография, посвященная моей любимой маме.

Я бы хотел сказать тем, кто пережил инсульт, что нельзя унывать! В первую очередь надо рассчитывать на себя, искать силы и стимулы внутри себя. Конечно, мне повезло, со мной в трудные минуты была сестра, всегда рядом. Но ее уже нет восемь лет, она умерла. А я нашел в себе силы жить и бороться дальше. Лучше тебя самого с твоими трудностями никто не справится.

Мой девиз по жизни: «Никогда не унывай!» Я верю в то, что жизнь прекрасна, несмотря ни на что! Это то, чем я дорожу! А еще мне не хочется умирать.

*Беседу провела и записала Анна Гнатченко
Май 2020 г.*